

Лекция №3. Русская философия 1-ой половины 19 в.

План:

1. Славянофилы

"Любомудры" - предшественники славянофилов.

И.В. Киреевский

А. С. Хомяков

К. С. Аксаков

2. Западники

П. Я. Чаадаев

Н. В. Станкевич

В. Г. Белинский

А. И. Герцен

1. Славянофилы

В истории русской философии и особенно русской политической мысли яркий контраст представляют два взаимно противоположных направления - славянофильское и западничество. Старания славянофилов были направлены на разработку христианского миропонимания, опирающегося на учения отцов восточной церкви и православие в той самобытной форме, которую ему придал русский народ. Они чрезмерно идеализировали политическое прошлое России и русский национальный характер. Славянофилы высоко ценили самобытные особенности русской культуры и утверждали, что русская политическая и общественная жизнь развивалась и будет развиваться по своему собственному пути, отличному от пути западных народов.

"Любомудры". Истоки славянофильства

Первым вдохновителем русской философской мысли явился Шеллинг, этот наиболее романтический философ немецкого идеализма. Последующее увлечение Гегелем было более "браком по логической необходимости". Русские шеллингианцы сосредоточились в кружке "любомудров" (основан в 1823 году, "самозакрылся" в 1825 году). В него входили: кн. В. Ф. Одоевский (председатель), Д. Веневитинов (секретарь), И. Киреевский, С. Шевырев, М. Погодин и некоторые другие. Это были все очень молодые люди (Одоевскому было 20 лет, Веневитинову - 18, Киреевскому - 17).

Участник этих собраний Кошелев писал впоследствии: "Тут мы читали иногда наши философские сочинения. Но все чаще... беседовали мы о прочтенных нами творениях немецких философов... Христианское учение казалось нам пригодным только для народных масс, а не для нас, философов".

Кн. В. Ф. Одоевский писал в том же духе: "Моя юность протекала в ту эпоху, когда метафизика была такой же общей атмосферой, как ныне политические науки. Мы верили в возможность такой абсолютной теории, посредством которой можно было бы строить все явления природы..." Главным оратором обычно выступал поэт Веневитинов, приводивший своими вдохновенными речами всех в восторг. Философских отрывков,

принадлежащих его перу, почти не сохранилось (он умер 22 лет от роду). Но известно, что он защищал интуицию и утверждал, что "Россия найдет свое основание, свой залог самобытности... в философии".

Первым русским шеллингианцем, оставившим более чем заметный след в русской мысли, нужно считать князя В. Ф. Одоевского (1803-1869). Мысли Одоевского, хотя они и представляют собой перепев идей Шеллинга (отчасти и других философов-монистов), носят на себе, тем не менее, яркий индивидуальный отпечаток автора. В них содержится протест против засилья рассудка. "Рассудок, предоставленный самому себе, мог произвести лишь синкретизм, - пишет Одоевский, - дальше сего идти не мог".

Одоевский мечтает о создании новой, всеобъемлющей науки, которая примирила бы инстинкт и разум и начала которой он находит у Гёте и Ломоносова. Интересны мысли Одоевского об искусстве, в котором он, следуя за Шеллингом, видит великую силу. Одоевский явился первым в России философским предшественником славянофильства. Одоевский первый сформулировал идеи, легшие в основу славянофильского мессианизма, и сказал устами главного героя своего сборника философско-фантастических новелл "Русские ночи": "Осмелимся же выговорить слово, которое, может быть, теперь многим покажется странным, а через несколько времени слишком простым: Запад гибнет". "Не одно тело спасти должны мы, русские, - но и душу Европы". И далее: "В святом триединстве веры, науки и искусства ты найдешь то спокойствие, о котором молились твои отцы... Деятнадцатый век принадлежит России". Наконец, Одоевский первый высказал мысль о русской идее как о синтетическом примирении всех идей - мысль, которую впоследствии столь пламенно проповедовал Достоевский.

Одоевского можно по справедливости считать "славянофилом до славянофильства".

И.В. Киреевский

Начало самостоятельной философской мысли в России XIX в. связано с именами славянофилов Ивана Киреевского и Хомякова. Их философия была попыткой опровергнуть немецкий тип философствования на основе русского толкования христианства, опирающегося на сочинения отцов восточной церкви и возникшего как результат национальной самобытности русской духовной жизни. Ни Киреевский, ни Хомяков не создали какой-либо философской системы, но они изложили определенную программу и вселили дух в философское движение, которое явилось наиболее оригинальным и ценным достижением русской мысли.

Иван Васильевич Киреевский родился 20 марта 1806 г. в Москве в семье помещика-дворянина, а умер от холеры в Петербурге 11 июня 1856 г. В десятилетнем возрасте Киреевский был хорошо знаком с лучшими произведениями русских писателей и читал в оригинале французскую классическую литературу. К двенадцати годам он знал в совершенстве немецкий язык. Латинский и греческий языки Киреевский начал изучать в Москве, когда ему было 16 лет, но овладел ими только на пятом десятке лет, для того чтобы в подлиннике читать сочинения отцов церкви.

Киреевский считал, что главным в жизни человека является "сердце", чувство. Его любимым настроением и чувством была печаль. Чувство печали, думал он, создает особые возможности для проникновения в сущность и богатство жизни.

Последние годы своей жизни Киреевский жил в деревне и работал над "Курсом философии". В это время он часто посещал Оптиную пустынь, поддерживал близкие отношения со старцами, особенно с отцом Макарием.

В 1856 г. в Москве был основан журнал "Русская беседа", редактором которого был друг Киреевского славянофил Кошелев. В этом журнале Киреевский опубликовал свою статью "О необходимости и возможности новых начал для философии". Статья была задумана Киреевским как введение к большой работе, но в действительности оказалась его последней работой. Он умер от холеры в Петербурге, куда приехал навестить сына. Прах Киреевского покоится в Оптиной пустыни.

Религия на философской основе, мистицизм сочетались в молодом Киреевском с горячей любовью к России и верой в ее великое назначение. Киреевский говорил, что "Англия и Германия находятся теперь на вершине Европейского просвещения; ...их внутренняя жизнь уже окончила свое развитие, состарилась и получила ту односторонность зрелости, которая делает их образованность исключительно им одним приличною". Вслед им, полагает Киреевский, наступит черед России, которая овладеет всеми сторонами европейского просвещения и станет духовным вождем Европы.

Путешествие Киреевского на Запад, где он встречался с лучшими умами того времени, не сделало его рабом Европы. Культура Запада неприятно поразила Киреевского своей односторонностью и узким рационализмом. Киреевский высоко оценивал немецкую ученость, но в общем Германия произвела на него впечатление страны "глупой" "дубовой", "хотя дубов в Германии, кроме самих немцев, почти нет".

Киреевский верил, что посредством объединения в одно гармоническое целое всех духовных сил (разума, чувства, эстетического смысла, любви, совести и бескорыстного стремления к истине) человек приобретает способность к мистической интуиции и созерцанию. Истоки такой философии Киреевский находит в сочинениях отцов церкви. Такое знание должно "согласить веру и разум, наполнить пустоту, которая раздвояет два мира, требующие соединения, утвердить в уме человека истину духовную."

Разум - который не видит духовной стороны мира - беден, односторонен и неизбежно заходит в тупик. Западноевропейская цивилизация признает источником знания только чувственный опыт и разум. В результате одни мыслители встали на путь формальной отвлеченности (рационализм), другие - отвлеченной чувственности (позитивизм). В социальной жизни эти тенденции нашли свое выражение в логической системе римского права. Как в социальной жизни, так и в семейном быту эта система уродует естественные и нравственные отношения людей.

В своей статье о возможности и необходимости новых начал для философии Киреевский писал, что было бы большой ошибкой думать о наличии в сочинениях отцов церкви готовой философии. Наша система философии, говорит он, еще будет создана, и создана не одним человеком.

Отказавшись от поисков бесконечного и поставив перед собой жалкие задачи, западный человек "...почти всегда доволен своим нравственным состоянием; что он одного только просит у Бога, чтобы другие люди все были на него похожи. Если же случится, что самые наружные действия его придут в противоречие с общепринятыми понятиями о нравственности, он выдумывает себе особую, оригинальную систему нравственности, вследствие которой его совесть опять успокаивается. Русский человек, напротив того, всегда живо чувствует свои недостатки, и чем выше восходит по лестнице нравственного развития, тем более требует от себя и потому тем менее бывает доволен собою".

Киреевский отстаивает "духовное общение каждого христианина с полнотой всей Церкви". Здесь мы можем обнаружить характерные черты положения о "соборности", об общине, разработанных Хомяковым. Несомненно, идеал общественного порядка Киреевский видел в общине.

Цельность общества, сочетающего личную свободу и индивидуальные особенности граждан, возможна только при условии свободного подчинения отдельных личностей абсолютным ценностям и при их свободном творчестве, основанном на любви к цельности, к церкви, к своему народу, к своему государству и т. п.

Из понимания целостности как свободной общины возникает учение Киреевского о взаимоотношении между церковью и государством, которое он развил в письме к Кошелеву: "Государство есть устройство общества, имеющее целью жизнь земную, временную. Церковь есть устройство того же общества, имеющее целью жизнь небесную, вечную". Временное должно служить вечному, поэтому государство должно руководить обществом в интересах церкви. "Нужно ли оговариваться, что господство церкви я не понимаю как инквизицию, или как преследования за веру?" Государство должно в том согласовываться с церковью, "чтобы поставить себе главной задачей своего существования - беспрестанно более и более проникаться духом церкви и не только не смотреть на церковь как на средство к своему удобнейшему существованию, но, напротив, в своем существовании видеть только средство для полнейшего и удобнейшего водворения Церкви Божией на земле".

Политическая свобода основывается на уважении к нравственной свободе и человеческому достоинству, на признании "святости нравственного лица" наряду со "святостью вечных нравственных истин". Такое понятие может иметь только религиозное начало. Поэтому свободное и законное развитие личностей может быть гарантировано только в государстве, построенном на принципах религии.

Идеи Киреевского использованы многими русскими философами, которые часто даже не были знакомы с его работами. Это говорит о том, что

Киреевский был истинным выразителем сокровенной сущности русского духа.

А. С. Хомяков

Непосредственным преемником Киреевского в области философии был Алексей Степанович Хомяков - наиболее выдающаяся личность среди славянофилов. Он родился 1 мая 1804 г. и умер 23 сентября 1860 г. Подобно Киреевскому, Хомяков принадлежал к классу дворян-землевладельцев.

Еще мальчиком Хомяков был глубоко религиозен. В семилетнем возрасте его привезли в Петербург. Он нашел этот город языческим и решил быть в нем мучеником за православную веру. Хомяков был страстным приверженцем освобождения славян и не переставал мечтать о их восстании против турок. В семнадцатилетнем возрасте он бежал из родного дома, чтобы принять участие в борьбе греков за независимость, но был задержан в окрестностях Москвы.

Учился Хомяков в Московском университете, окончив его физико-математическое отделение в 1822 г. С 1823 по 1825 г. Хомяков находится на службе в кавалерийском полку. Вот что писал после смерти Хомякова его командир: "...образование его было поразительно превосходное. У него все нравственно, духовно, возвышенно. Ездил верхом отлично, по всем правилам берейторской школы. Прыгал через препятствия в вышину человека. На эскадронах дрался превосходно. Обладал силою воли не как юноша, но как муж, искушенный опытом. Строго исполнял все посты по уставу Православной Церкви, а в праздничные и воскресные дни посещал все Богослужения. В то время было еще значительное число вольнодумцев, деистов и многие глумились над исполнением уставов Церкви, утверждая, что они установлены для черни. Но Хомяков внушил к себе такую любовь и уважение, что никто не позволил себе коснуться его верования."

В 1825 г. Хомяков вышел в отставку и уехал за границу, в Париж. Там он изучал живопись и писал трагедию "Ермак".

Литературное наследие Хомякова состоит главным образом из поэм, трагедий, политических и религиозно-философских статей. Последние двадцать лет своей жизни он посвятил работе над большой книгой по истории философии "Записки о всемирной истории".

В противоположность Киреевскому Хомяков был страстным спорщиком. Обладая прекрасным даром речи, огромными знаниями и блестящей памятью, он не имел себе равных в диспуте. Хомяков носил бороду и одевался в старинное русское платье. Этим он хотел подчеркнуть свою любовь ко всему русскому.

Он считал, что человек - ограниченное существо, наделенное рациональной волей и нравственной свободой. Эта свобода означает свободу выбора между любовью к богу и себялюбием, другими словами, между праведностью и грехом.

Он разработал понятие о церкви, как о поистине органическом целом, как о теле, главой которого является Иисус Христос. Любящие Христа и божественную правду принадлежат Христу и становятся членами тела

Христову. Так как все верующие вместе любят Христа как носителя совершенной истины и праведности, то церковь есть не только единство многих людей, но и единство, в котором каждая личность сохраняет свою свободу. Это возможно только в том случае, если такое единство зиждется на бескорыстной, самоотверженной любви. Любящие Христа и его церковь отказываются от всяческого тщеславия, личной гордости и усваивают разумную пронизательность веры, раскрывающей значение великих истин откровения.

Основной принцип церкви заключается не в повиновении внешней власти, а в соборности. Соборность - это свободное единство основ церкви в деле совместного понимания ими правды и совместного отыскания ими пути к спасению, единство, основанное на единокорной любви к Христу и божественной праведности. "Христианство есть не что иное, как свобода во Христе".

Под словом "церковь" Хомяков всегда понимает православную церковь. Будучи телом Христа, церковь тяготеет к единству. Католицизм и протестантство отошли от основных принципов церкви не по причинам извращения истины отдельными личностями, а принципиально. Поэтому Хомяков не применяет к ним термин "церковь", а говорит о романизме, папизме, латинизме, протестантстве и т. д. Но это ни в коей мере не означает, что он верил в осуществление православной церковью всей полноты правды на земле. Хомяков говорил, например, что наше духовенство имеет тенденцию к "духовному деспотизму". Он радуется, что православная церковь хранит в своих глубинах истинный идеал, но "в действительности", по его словам, никогда еще не было ни одного народа, ни одного государства или страны в мире, которые бы осуществили в полной мере принципы христианства.

Католицизм ввел рационализм в святилище веры подобно механизму банковского учреждения, чем вызвал к жизни – протестантство. Библия, сама по себе безжизненная книга, субъективно толкуемая каждым отдельным верующим, является основой религиозной жизни протестантов. Они придают слишком большое значение историческому изучению св. писания. Написано "Послание к Римлянам" Павлом или кем-либо другим - вот жизненный вопрос для протестантов! Это означает, что протестанты рассматривают Св. Писание как непогрешимый авторитет и вместе с тем авторитет внешний по отношению к верующему.

У православной церкви иной взгляд: "Пусть бы сегодня удалось доказать, что послание к Римлянам принадлежит не Ап. Павлу; Церковь сказала бы: "оно от меня", - и на другой же день это послание читалось бы, по-прежнему".

Хомяков рассматривает отказ протестантов от молитвы по усопшим, отрицание культа святых и пренебрежение к хорошему устройству церкви как выражение утилитарного рационализма, который не видит органической цельности видимой и невидимой церкви.

Хомяков подчеркивает важность неразрывного единства любви и свободы. Именно это является особо ценным в его религиозных и философских работах. Христианство - религия любви, и в силу этого оно предполагает и свободу. Постигшим особенности церковной жизни ясно, что догматы церкви нерушимы. Однако в области "мнений" Хомяков свободно отыскивает новые пути. "Я позволяю себе, - пишет он в письме к Аксакову, - не соглашаться во многих случаях с так называемым мнением Церкви". Неудивительно поэтому, что вскоре после смерти Хомякова газета "Московские ведомости" назвала его учителем ереси.

Россия приняла от Византии христианство в его "чистоте и целостности", свободное от одностороннего рационализма. Смирность русского народа, его набожность и любовь к идеалам святости, его склонность к общественной организации в форме деревенской общины или артели, основанной на обязанности взаимопомощи, - все это дает основание полагать, что Россия пойдет дальше Европы в вопросах достижения общественной справедливости и, в частности, найдет путь к примирению интересов капитала и труда.

Хомяков говорит, что аристократический режим воинственных народов чужд славянам, которые составляют земледельческую нацию. Мы, говорит он, всегда останемся демократами, отстаивающими идеалы гуманности. Пусть каждая народность живет мирно и развивается самобытно. Больше всего Хомяков ненавидел рабство. По его словам, безнравственность является главным злом рабства. Рабовладелец всегда отличается большей безнравственностью, чем раб: христианин может быть рабом, но не должен быть рабовладельцем. Здесь Хомяков говорит и о крепостном праве, настаивая на необходимости его ликвидации.

В противоположность Киреевскому и К. Аксакову, Хомяков не замазывает пороки русской жизни, а жестоко их бичует. Тем не менее Хомяков верил в великую миссию русского народа. Эта миссия будет осуществлена тогда, когда русский народ полностью проявит все духовные силы и признает принципы, лежащие в основе православия.

Несмотря на то, что Хомяков и Киреевский критически относились к Западной Европе, она оставалась для них сокровищницей духовных ценностей. Хомяков питал искреннюю любовь к другим славянским народам. Он считал, что им присуще стремление к общественной и демократической организации. Хомяков надеялся, что все славяне, освобожденные с помощью России, образуют нерушимый союз.

К. С. Аксаков

Константин Аксаков, сын Сергея Тимофеевича Аксакова, автора известной "Семейной хроники", родился 29 марта 1817 г. и умер 7 декабря 1860 г. С 1832 по 1835 г. Аксаков был студентом филологического факультета Московского университета. С 1833 по 1840 г. входил в кружок Станкевича, который положил начало так называемому движению "западников". Аксаков находился под сильным влиянием Станкевича и Белинского и с энтузиазмом изучал немецкую философию, особенно Гегеля.

После смерти Станкевича (1840) члены кружка начали резко критиковать существовавшее в России положение. Аксаков сблизился с Хомяковым, Киреевским и Самариным, которые были ему близки по духу, и порвал с Белинским. Аксаков обладал горячим темпераментом, был честен и фанатически предан своим идеям. Однажды он заявил Белинскому, что не сможет более его посещать из-за различий во взглядах. Разрыв причинил боль обоим. Они расцеловались и расстались навсегда со слезами на глазах. Из любви к русскому народу и его обычаям Аксаков первым стал носить сапоги и русскую рубаху, а также отпустил длинную бороду, которую в 1848 г. полиция приказала ему сбрить.

Русский народ, по мнению Аксакова, видит серьезную разницу между страной и государством. "Страна" в народном понимании означает общину, которая живет по внутреннему нравственному закону и предпочитает путь мира, следуя учению Христа. Только воинственные соседи вынудили в конце концов русский народ создать государство. Для этой цели русские призвали варягов и, отделив "страну" от государства, вверили политическую власть выборному монарху. Государство функционирует в соответствии с внешним законом: оно создает внешние правила поведения и извлекает пользу из принуждения. Преобладание внешней справедливости над внутренней характерно для Западной Европы, где государство возникло на основе завоеваний. В России, наоборот, государство образовалось на основе добровольного призвания варягов. С тех пор существует в России союз между "страной и государством". "Страна" обладает совещательным голосом, силой "общественного мнения", однако право на принятие окончательных решений принадлежит монарху (примером могут служить отношения между земским собором и царем в период Московского государства). Реформы Петра Великого нарушили этот идеальный порядок. Аксаков сначала превозносил Петра Великого как освободителя русских "от национальной ограниченности", но впоследствии возненавидел его реформы, хотя и продолжал оставаться противником национальной ограниченности. Аксаков считал, что русский народ выше всех других народов именно потому, что в нем больше всего развиты общечеловеческие принципы и "дух христианской гуманности". Западные народы страдают национальной исключительностью или ее противоположностью - космополитизмом, т. е. отрицанием национального принципа; и то и другое ошибочно.

К. Аксаков идеализировал русскую историю сверх всякой меры. Он говорил, что русская история является "всеобщей исповедью" и что "ее можно читать так же, как житие святых". О скромности русского народа говорит тот факт, что все свои победы и достижения он приписывает не себе, а воле божией. Русские не сооружают памятников в честь народа и его великих людей, а славят бога молебнами, шествиями и воздвигают церкви. Ненависть Аксакова к Западной Европе была такой же сильной, как и любовь к России. Киреевский и Хомяков, указывая на пороки западной цивилизации, в то же время признавали ее достоинства. Они любили западную цивилизацию и настаивали на необходимости синтеза ценных

элементов западного и русского духа. К. Аксаков видел только темные стороны западной цивилизации: насилие, враждебность, ошибочную веру (католицизм и протестантизм), склонность к театральным эффектам, "слабость".

Аксаков полагал, что основы высокой нравственности русской жизни следует искать в крестьянстве, которое еще не испорчено цивилизацией. Аксаков выступал против ограничения самодержавной власти царя, будучи в то же время сторонником духовной свободы индивидуума.

Изучение философских и политических теорий славянофилов старшего поколения - И. Киреевского, А. Хомякова, К. Аксакова - показывает, что все они были убежденными демократами и считали, что славяне, в частности русские, особенно способны к претворению в жизнь демократических принципов. Правда, славянофилы защищали самодержавие и не придавали большого значения делу политической свободы. В этом вопросе они прямо отличались от западников, которые хотели, чтобы Россия в своем политическом развитии шла по пути Западной Европы.

Учение славянофилов содержит три принципа, которые были провозглашены в качестве устоев русской жизни министром народного просвещения (1833-1849) при Николае I *графом Уваровым*: **православие, самодержавие, народность**.

2. Западники

Если по мнению славянофилов Россия призвана оздоровить Западную Европу духом православия и русских общественных идеалов, а также помочь ей в разрешении внутренних и внешних политических проблем в соответствии с христианскими принципами, то западники, наоборот, были убеждены, что Россия должна учиться у Запада и пройти тот же самый этап развития. Они хотели, чтобы Россия усвоила европейскую науку и плоды векового просвещения. Западники мало интересовались религией. Если среди них и были религиозные люди, то они не видели достоинств православия и имели склонность к преувеличению недостатков русской церкви. Что же касается социальных проблем, то одни из них более всего ценили политическую свободу, а другие являлись сторонниками социализма в той или иной форме.

Петр Яковлевич Чаадаев (1794-1856) - сын богатого помещика, учился в Московском университете. Не окончив университет, он добровольно вступил в армию. В 1812 г. Чаадаев принял участие в войне против Наполеона и участвовал в заграничных походах русской армии. С 1823 по 1826 г. Чаадаев жил за границей и поэтому не принял участия в восстании декабристов. В Карлсбаде он встречался с Шеллингом и впоследствии с ним переписывался.

В конце 1829 г. Чаадаев начал работать над трактатом "Философические письма" (на французском языке). Эта работа, состоящая из восьми писем, была закончена в 1831 г. Письма адресуются к некоей даме, которая, по-видимому, желала посоветоваться с Чаадаевым о том, как упорядочить свою духовную жизнь. В "Письме первом" Чаадаев советует

этой даме тщательно соблюдать все обряды, предписываемые церковью. "Это упражнение в покорности, - пишет он, - ...укрепляет дух". Без строгого соблюдения церковных обрядов можно обойтись только тогда, "...когда человек ощущает в себе верования высшего порядка сравнительно с теми, которые исповедует масса, - верования, возносящие дух к самому источнику всякой достоверности и в то же время нисколько не противоречащие народным верованиям, а, наоборот, их подкрепляющие". Чаадаев рекомендует "размеренный образ жизни", ибо только он соответствует духовному развитию. Он восхваляет Западную Европу, где "...идеи долга, справедливости, права, порядка... родились из самих событий, образовавших там общество... входят необходимым элементом в социальный уклад" и составляют "...больше, чем психологию: - физиологию европейского человека". Чаадаев. По отношению к России Чаадаев был настроен крайне критически: "...мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, и у нас нет традиций ни того, ни другого". "Одинокие в мире, мы ничего не дали миру, ничему не научили его; мы не внесли ни одной идеи в массу идей человеческих...". "Если бы мы не раскинулись от Берингова пролива до Одера, нас и не заметили бы... И в общем мы жили и продолжаем жить лишь для того, чтобы послужить каким-то важным уроком для отдаленных поколений...".

В 1836 г. журналом "Телескоп" было опубликовано первое "Философическое письмо". Цензор, разрешивший напечатать это письмо, был смещен со своего поста, журнал запрещен, а его редактор профессор Надеждин выслан в Усть-Сысольск, а затем в Вологду, откуда вернулся только в 1838 г. Самого Чаадаева император Николай I объявил сумасшедшим. В течение года Чаадаев был пленником в своем доме под присмотром врачей и полиции. Цензоры получили указание не пропускать в печать какие-либо критические отклики на письмо Чаадаева. Второе, третье, четвертое, пятое и восьмое письма опубликованы в 1935 г. в журнале "Литературное наследство". Шестое и седьмое письма долго не публиковались в печати, очевидно, по той причине, что в них Чаадаев говорит о благотворном влиянии церкви. Фанатические атеисты, стоявшие у власти в СССР, рассматривали эти письма как "опиум для народа".

Философское мировоззрение Чаадаева носит ярко выраженный религиозный характер. Чаадаев говорит, что желающие сочетать идеи истины и добра должны "стремиться проникнуться истинами откровения". Две силы являются действенными в нашей жизни. Одна из них находится внутри нас - "несовершенная", а другая стоит вне нас - "совершенная". От этой "совершенной" силы мы получаем "...идеи о добре, долге, добродетели, законе...". Они передаются от поколения к поколению благодаря непрерывной преемственности умов, которая составляет одно всеобщее сознание.

"Христианское учение рассматривает совокупность всего на основе возможного и необходимого перерождения нашего существа...". Это

означает, "...что наша ветхая природа упраздняется и что зарождается в нас новый человек, созданный Христом..."

Крепостничество вызывало у Чаадаева особое негодование. Отрицательное отношение Чаадаева к России, выраженное так сильно в его первом "Философическом письме", несколько сгладилось под влиянием князя Одоевского и других друзей. В 1837 г. Чаадаев написал "Апологию сумасшедшего", которая после его смерти была опубликована в Париже русским иезуитом князем Гагариным. Чаадаев пришел к выводу, что бесплодность исторического прошлого России является в известном смысле благом. Русский народ, не будучи скованным окаменелыми формами жизни, обладает свободой духа для выполнения великих задач грядущего. Православная церковь сохранила сущность христианства во всей его первоначальной чистоте. Поэтому православие может оживить тело католической церкви, которое слишком сильно механизировано. Призвание России состоит в осуществлении окончательного религиозного синтеза. Россия станет центром интеллектуальной жизни Европы в том случае, если она усвоит все, что есть ценного в Европе, и начнет осуществлять свою богом предначертанную миссию.

Французская революция 1830 г. сделала его менее склонным к идеализации Запада по сравнению с тем временем, когда он писал свое "Первое письмо".

Н. В. Станкевич

Возникновение "западнического" движения было связано с деятельностью кружка Станкевича. Этот кружок был организован в 1831 г., в бытность Станкевича студентом Московского университета. В кружок входили главным образом друзья Станкевича по учебе в университете: В. Белинский, К. Аксаков, поэт Кольцов, М. Лермонтов, М. Бакунин (с 1835 г.), В. Боткин, Катков, Т. Грановский и Кавелин. Все они занимались главным образом философией, поэзией и музыкой. Члены кружка с энтузиазмом изучали философию Шеллинга, а после 1835 г. увлеклись Гегелем. В поэзии их внимание было сосредоточено на творчестве Гете, Шиллера, Гофмана и особенно Шекспира, а в музыке - на творчестве Бетховена и Шуберта. Душою кружка был Станкевич, который отличался замечательным умом и покорял своей добротой, учтивостью и простотой манер. Не все члены кружка придерживались западнических взглядов. Сам Станкевич, вероятно, не остался бы искренним западником, если бы не ранняя смерть от чахотки, преждевременно оборвавшая его духовное развитие.

Николай Владимирович Станкевич (1813-1840) был сыном богатого воронежского помещика. Будучи студентом, он жил в Москве в семье профессора Павлова. Этот ученый познакомил Станкевича с философией природы Шеллинга, а профессор Надеждин - с эстетикой Шеллинга. Для более систематического изучения философии Гегеля Станкевич поехал за границу и в 1838-1839 гг. посещал в Берлине лекции по логике Гегеля. Печатался Станкевич очень мало. О его философских представлениях можно судить только по письмам и воспоминаниям современников. В письме к М.

Бакунину Станкевич говорит о том, что вся природа является одним единым организмом, эволюционирующим в сторону разума. "Жизнь есть любовь. Женщину Станкевич считал священным существом. Не напрасно, говорил он, дева Мария и божия мать суть главные символы нашей религии. По его словам, главная причина людских недостатков - отсутствие любви. Он советует думать о том прекрасном, что есть в мире, а не о том, что несовершенно в нем.

В. Г. Белинский

Виссарион Григорьевич Белинский (1811-1848) был талантливым литературным критиком. Во время учебы в Московском университете Белинский принадлежал к кружку Станкевича. В этом кружке он познакомился с философией природы Шеллинга. В 1836 г., под влиянием Бакунина, Белинский в течение короткого периода времени увлекался философией Фихте, а затем благодаря Станкевичу и Бакунину стал восторженным гегельянцем и оставался им с 1837 по 1840 г.

В 1839 г. Белинский переехал из Москвы в Петербург и начал сотрудничать в журнале "Отечественные записки". Превознося самодержавие, Белинский писал: «У нас правительство всегда шло впереди народа, всегда было звездой путеводною к его высокому назначению». Царская власть "всегда таинственно сливалась с волею Провидения - с разумною действительностью". "Человек служит царю и отечеству вследствие возвышенного понятия о своих обязанностях к ним, вследствие желанья быть орудием истины и блага, вследствие сознания себя, как части общества, своего кровного и духовного родства с ним - это мир действительности".

За эти статьи Белинский подвергся ожесточенным нападкам со стороны противников самодержавия. Живя в Петербурге, Белинский понял реакционную сущность режима Николая I. В июне 1841 г. в письме к Боткину он резко высказывается не только о самодержавии, но и о монархии вообще.

Белинский окончательно отверг философию Гегеля лишь тогда, когда пришел к признанию величайшей ценности личности. В письме к Боткину (1841) Белинский писал: «Субъект у него не сам себе цель, но средство для мгновенного выражения общего, а это общее является у него в отношении к субъекту Молохом. Судьба субъекта, индивидуума, личности важнее судеб всего мира».

Как это сопоставить со словами Христа: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоанн 15:13)?

В 1841 г. Белинский познакомился с французским социализмом Сен-Симона и Леру, а к 1848 г. социализм стал для него "идеей идей". "Неистовый Виссарион" (так называли Белинского за пылкий темперамент), предавая забвению свое недавнее беспокойство за "жертвы истории", писал Боткину: "Я начинаю любить человечество маратовски: чтобы сделать счастливою малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную".

В 1843-1844 гг. один из друзей Белинского перевел для него "Сущность христианства" Фейербаха. Эта работа произвела на Белинского сильное впечатление. Советские авторы утверждали, что в конце своей жизни Белинский под влиянием Фейербаха усвоил взгляды "антропологического материализма". Но из сочинений Белинского не видно, что он стал материалистом, хотя, правда, в последние годы своей жизни он совершенно перестал ссылаться на сверхчувственные основы мирового бытия. В одной из статей он пишет "Что составляет в человеке его высшую, его благороднейшую действительность" - Конечно, то, что мы называем его духовностью, то есть чувство, разум, воля, в которых выражается его вечная, непреходящая, необходимая сущность... Иначе зачем бы вам было рыдать в отчаянии над трупом любимого вами существа".

Возможно, у многих возникнет вопрос: был ли в конце своей жизни Белинский действительно атеистом. В письме к Гоголю о его книге "Выбранные места из переписки с друзьями" Белинский отзывается о русской православной церкви по большей части с неприязнью и утверждает, что русские "по натуре глубоко атеистический народ".

Самое решительное исповедание новой веры Белинского было дано им в знаменитом письме к Гоголю... *«Церковь была и остаётся поборницей неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницей братства между людьми»*. В этом же письме впервые звучит идея «просвещения», которая означает наивную веру в разум, науку, прогресс, веру во всемогущество экономики, техники, совмещаемую с презрением к религии, философии, чистому искусству за их якобы бесполезность и даже вредность. В истории русской интеллигенции «просвещение», с легкой руки Белинского, укоренилось и дало свои плоды в лице позднейших шестидесятников и отчасти в лице большевизма. После Чаадаева Белинский делает следующий шаг на пути к нигилизму. Он обрушивается с уничтожающей критикой церкви и по сути дела сползает с философского идеализма к материализму. *«В словах Бог и религия вижу тьму, мрак, цепи и кнут»*², - писал Белинский Герцену. Необходимо помнить, что «неистовый Виссарион» был властителем дум интеллигенции и прежде всего студенческой молодёжи, поэтому его высказывания становились агитационными призывами.

На протяжении своей краткой, но деятельной жизни Белинский часто менял свои философские взгляды, и каждое изменение глубоко отражалось на его произведениях, как критических, так и публицистических. Однако он ничего не сделал для дальнейшего развития философии как таковой, но оказал большое влияние на русскую культуру как замечательный литературный критик, обладавший прекрасным эстетическим вкусом.

Другим западником, оказавшим большое влияние на русскую политическую мысль и революционное движение, был А. И. Герцен.

А. И. Герцен

Александр Иванович Герцен (1812-1870) был незаконным сыном богатого русского помещика Яковлева и немецкой девушки Луизы Гаг, увезенной им в Россию из Штуттгарта. Мальчиком четырнадцати лет во

время коронации Николая I в Москве (после казни декабристов), находясь в толпе "перед алтарем, оскверненным кровавой молитвой" ("Былое и думы"), Герцен "клялся отомстить за казненных и обрекал себя на борьбу с этим тронem, с этим алтарем, с этими пушками" (там же).

Герцен окончил физико-математическое отделение Московского университета. В бытность студентом он сильно увлекался социализмом Сен-Симона. В 1834 г. Герцен был арестован и выслан на северо-восток России, где его обязали работать в правительственном учреждении. В 1842 г. он вышел в отставку, поселился в Москве и посвятил себя усиленному чтению и литературной работе. В 1847 г. Герцен эмигрировал во Францию. В 1855 г. Герцен начал издавать журнал "Полярная Звезда", затем "Колокол". Влияние Герцена на русскую общественную жизнь было значительным. Тем не менее этот человек не создал ничего оригинального в философии. Философские работы Герцена немногочисленны: очерки "Дилетантизм в науке" (1843), "Письма об изучении природы" (1845-1846) и "Письмо сыну - А. А. Герцену" (о свободе и вере) (1876).

Идеология Герцена сформировалась под влиянием социалистических идей Сен-Симона, философских взглядов Шиллера, естественно-научных трудов Гете, а впоследствии философии Гегеля, Фейербаха и Прудона. Герцен не интересовался теоретической стороной философии. Философия интересовала его постольку, поскольку ее можно было применить на практике, в борьбе за свободу и достоинство личности, за осуществление социальной справедливости.

Ленин охарактеризовал идеологию Герцена следующим образом: "Он пошел дальше Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом. Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед - историческим материализмом. Эта "остановка" и вызвала духовный крах Герцена после поражения революции 1848 г.". Слова Ленина выражают типичную для большевиков тенденцию рассматривать как материалиста любого автора, признающего наличие тесной связи между психическим и физическим процессами. Однако на самом деле у Герцена можно обнаружить лишь отрицательное отношение к религии, к идее личного бога и личного бессмертия. Его взгляды нельзя отождествлять с классическим материализмом, согласно которому психические процессы пассивны и всецело зависят от материальных процессов. "Декарт никогда не мог возвыситься до понятия жизни". Он рассматривает тело как машину.

Герцен не был материалистом как в юные годы, так и в конце своей жизни. Когда его сын, физиолог, прочитал лекцию, в которой он доказывал, что вся деятельность людей и животных суть рефлексы и что, следовательно, нет места свободной воле, Герцен написал "Письмо сыну - А. А. Герцену". "Все явления исторического мира, все проявления организмов - кучевых, сложных, организмов второго порядка - основываются на физиологии, но идут дальше ее. ...Ход развития истории есть не что иное, как постоянная эмансипация человеческой личности от одного рабства вслед за другим, от одной власти вслед за другой вплоть до наибольшего соответствия между

разумом и деятельностью, - соответствия, в котором человек и чувствует себя свободным. "Нравственная свобода есть, таким образом, реальность психологическая...". Понятие о свободе, развитое в этом письме, является только относительным и, по-видимому, соответствует рамкам детерминизма.

Герцен язвительно критиковал учение славянофилов, поскольку последние идеализировали православие и поддерживали самодержавие. Но после подавления революционного движения 1848 г. Герцен разочаровался в Западной Европе и ее "мелкобуржуазном" духе. В это время он пришел к мысли, что русская деревенская община и артель содержат задатки социализма, который найдет свое осуществление в России скорее, чем в какой-либо другой стране. Деревенская община означала для него крестьянский коммунизм. Поэтому Герцен пришел к мысли о том, что возможно примирение со славянофилами. В своей статье "Московский панславизм и русский европеизм" (1851) он писал: разве социализм "не принимается ли он славянофилами так же как нами" Это мост, на котором мы можем подать друг другу руку".

Герцен верил в будущее социализма. Однако он никогда не рассматривал социализм как совершенную форму общественных отношений. В 1849 г. он писал: "Социализм разовьется во всех фазах своих до крайних последствий, до нелепостей. Тогда снова вырвется из титанической груди революционного меньшинства крик отрицания, и снова начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущей, неизвестною нам революцией"⁵².

В 1869 г. Герцен написал статью "К старому товарищу" (М. Бакунину). В статье он писал, что не верит в "прежние революционные пути" и рекомендует "постепенность" в общественном развитии.

Прожив значительную часть жизни в Европе, Герцен лучше, чем кто-либо другой знал лучшие черты западной культуры – гуманизм, веру в свободу и нравственное достоинство личности. Однако довольно скоро к нему приходит разочарование в западных ценностях. *«На Западе люди более свободны, но они пользуются свободой лишь для устройства своих мелких делишек. На Западе больше социальной справедливости, но она носит чисто формальный характер. Фактически Запад чтит свои высокие идеалы лишь в теории, оставаясь на практике погруженным в захватывающую тину мещанства. Отсюда – типично западное лицемерие, сочетающее политическую мелодекламацию с культом посредственности и узкого эгоизма»*. В ярких красках выражает Герцен свой протест против западного мещанства: *«Современное поколение имеет единого бога, имя которому капитал; у буржуазной европейской цивилизации нет соперников, но есть – эпоха мещанства, эта гнилая червоточина в организме Европы... тяжело видеть, что это – та Европа в которую мы верили...Здесь само христианство обмелело в мирной гавани реформации, обмелела и революция в мирной гавани либерализма...печать мещанства стерла с Европы печать Духа Святого...»³*.

Особую опасность, по мнению Герцена, представляет для человечества социализм: *«Быть может, настанет день, когда социализм окажется худшей формой тирании».*

Особенно подозрительно относился он к марксизму. Он был одним из немногих, кто предвидел неизбежность вырождения победившего марксизма в новую, страшную самодержавную диктатуру. Нужно сказать, что Маркс ненавидел Герцена и клеветнически называл его платным агентом правительства, только для виду притворявшимся социалистом. Это, конечно, была клевета, но ей тогда кое-кто верил. Герцен никогда не забывал, что социализм был только средством освобождения личности, а ни в коем случае не самоцелью.

Герцен приобрел репутацию вождя русских революционных сил. Его взгляды оказали значительное влияние на народников, а позднее на эсеров. *«Для Герцена всё дело заключалось в социальном освобождении, и он был довольно равнодушен к политическим формам борьбы. Для его же учеников именно политическая революционная борьба должна быть главным делом, социальное освобождение приложится само собой. Им была неприемлема позиция Герцена – материализм в естествознании, позитивизм в философии, идеализм в этике. Они хотели быть стопроцентными реалистами, отказавшимися от всех гуманистических «предрассудков», которые для них были неосознанным наследием ненавидимого ими христианства»* - писал Левицкий. На примере Герцена наглядно виден конфликт отцов и детей, для которых были неприемлемы ни этический идеализм, ни гуманизм Герцена. Они рвались к кровавой борьбе.

Литература:

Учебники:

1. История русской философии. Учебник. МГУ. Ред. Маслин М.А. УМО. 2008.
2. Философия. Учебник. УМО. В.В. Миронов. М. 2008.
3. Философия. Учебник. Минобр. В.Н. Лавриненко, В.П. Ратников. Только 4-е изд. 2008.
4. В.В. Зеньковский. История русской философии. В 2-х томах. Т. 1. - Феникс. 1999.
5. Н.О. Лосский. История русской философии. М. 2007.
6. Б.В. Яковенко. История русской философии. М. 2003.
7. С.А. Левицкий. Очерки по истории русской философии.
8. Хрестоматия по истории философии. М. 1997. – 672 с.

Дополнительная литература:

1. П. Я. Чаадаев. Философические письма.
2. А. И. Герцен. Былое и думы.
3. А. И. Герцен. Дилетантизм в науке.

Вопросы для обсуждения: (см семинар №3)